

И. Л. Андреев

МОЗГ, ВРЕМЯ, ВЛАСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЕАЛЬНУЮ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Этнопсихологические исследования последних лет и полевая работа автора в 15 африканских странах (1962–2010) дают всё больше подтверждений тому, что фундаментальным свойством нервно-психической деятельности человека является ее пространственно-временная ориентация, в принципе адекватная четырехмерному пространству-времени окружающего мира. Именно в этом континууме происходит эволюция виртуальной реальности как когнитивного алгоритма восприятия человеком окружающего мира в реальную виртуальность социальных и межличностных отношений, включая структуры складывавшихся институты. Первичная власть опиралась на вырвавшийся из глубины веков культ мудрых предков. К нему примыкали древние традиции распоряжения родоплеменной верхушкой свободным от непосредственного жизнеобеспечения временем населения, что было связано с его строгой дислокацией в пределах определенного ареала как необходимым условием успешного выполнения общественных работ, ритуальных мероприятий и военных действий по защите и обеспечению природных и социальных предпосылок производства, жизнедеятельности и устойчивости социума.

Ключевые слова: человек, мозг, виртуальная реальность, реальная виртуальность, власть, собственность, время, дисхроноз, психология, пространство.

Преамбула

Наблюдения автора в процессе научной и полевой работы в 15 африканских странах приводят к мысли, что генезис пространственных представлений в большей степени связан с восприятием водных поверхностей как некоей зримой природной двухмерности, достаточно стабильной в своих очертаниях и выступающей неперенным условием любых форм биологической жизни. Вместе с тем вода была в тот период, пожалуй, наиболее явным фактором демаркации пространства. Поэтому неудивительно, образ воды уже в первых мифах ассоциируется с устойчивостью, константностью мироздания, женским началом, дарующим жизнь всему существу. Напротив, толчок к улавливанию и последующему закреплению в лабильной психике наших предков временных ритмов, циклов и иных параметров окружающего мира и собственной жизнедеятельности дал огонь. Трепетно-нервное, притягательно-изменчивое, волнуяще-динамичное пламя костра

околдовало человека эпохи палеолита. Все другие бежали от огня. Пращур его приручил. Но огонь, будучи серьезным источником повышенной опасности, не только давал свет и тепло, но и диктовал определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддержанию. Не исключено, что именно огонь пробудил новый статус левого полушария, предпосылки которого были заданы феноменом, аналогичным синдрому Бьюси-Клювера¹. Характерно, что мифы об огне гораздо моложе, нежели о воде, причем, сам огонь неизменно коррелирует с образом мужчины.

В свою очередь, восприятие пространственной организованности даже ближайшего окружения оставалось односторонним, плоским и весьма расплывчатым, пока не была выделена и зафиксирована его закономерная связь со временем. Это означало интеллектуально-чувственное освоение временной структуры мира как объективного сле-

¹ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Том 3. М., 1968. С. 587–591.

дования событий (изменений) друг после друга, рядом друг с другом либо различие стадий качественного преобразования окружающих предметов и сил, живых существ и их свойств. Эволюционные резервы индивидуальной психики в виде бурно развивающегося вместе с генезисом вербального мышления и левого полушария головного мозга, позволяли все более корректно и тонко улавливать бестелесность времени, и объективную ритмику бытовой жизнедеятельности, включая звуковой ее аспект. В свою очередь, это явилось мощным фактором развития виртуальной дифференциации воспринимаемого индивидами времени и, в известной мере, управления им в интересах социума.

Как формируется «чувство» времени?

Вопрос — философский. «Времени нет без человека», констатирует в знаменитом эссе «Время и бытие» один из крупнейших философов XX века Мартин Хайдеггер. — «Только что означает «нет без»? Человек создатель времени или его получатель? И если второе, то как человек получает время? Если человек сначала человек, чтобы потом по обстоятельствам, т.е. к какому-то определенному времени получить восприятие времени и встать в отношение к нему? Собственно время есть единящая тройка просвет его протяжения, включая настоящее, осуществившееся и будущее, ибо «в бытии как присутствии дает о себе знать такая вещь как время». Далее Хайдеггер, по существу, показывает, что в индивидуальном сознании точкой развертывания времени как субстанции, данной человеку извне как одно из ключевых условий его бытия и, вместе с тем, не дающейся ему в руки, выступает ныне существующая реальность: «Настоящее — называя его само по себе, мы уже думаем также о прошедшем и будущем, о Раньше и Позже в отличие от Теперь. Но настоящее, понятие от Теперь, совершенно не похоже на настоящее в смысле настоящего многолюдного праздника. Мы потому никогда не говорим и никогда не сможем сказать: это был «теперешний» праздник вместо «настоящий»»¹.

Классификация, идентификация и анализ динамики образов будущего неизменно упирается в сложнейшую философскую проблему — проблему времени. «Ни одна сфера жизни природы и человеческой деятельности, резюмирует П. П. Гайденко,

не обходится без соприкосновения с реальностью времени: всё, что движется, изменяется, живёт, действует и мыслит, всё это в той или иной мере связано со временем... Неудивительно, что время относится к тем реалиям, которые с глубокой древности определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Характер рассмотрения времени, способ включения его в систему других категорий мышления, так же как и основные интуиции времени определяют самосознание различных культурно-исторических периодов»². Поэтому современная карта мира имеет незримый временной социально-психологический подтекст, где этнопсихические дисхронозы обуславливают ее этическую и поведенческую пестроту — причину многих противоречий и конфликтов.

Речь идет о психологической одновременности одновременно живущих людей, в том числе представителей одного и того же поколения. Иначе говоря, сегодня мы сталкиваемся с эффектом *социально-психологического дисхроноза*. Бок о бок находятся и непосредственно взаимодействуют люди, виртуально живущие в разных *темпомирах*, определяющей характеристикой которых является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в сознание реальных и виртуальных структур бытия³. Под влиянием таких реалий, отмечает С. А. Кравченко, в социуме возникают новые амбивалентности. С одной стороны, скорость усвоения инноваций как интеллектуальный фактор социальной мобильности, начинает играть роль весьма эффективного *человеческого капитала*, который определяет не только социальный статус людей, характер конкретного социума, но и выступает *индикатором модернизации, культурных и научных достижений*. Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл *инновационного фактора*, многократно возросло. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции, тем не менее, не универсальны. Если *определенная часть общества* не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает адекватно рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, могут возникать принципиально новые психические сбои и завязанные на них социальные катаклизмы, причина кото-

² Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 519.

³ Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2010.

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 397, 401.

рых — *временной дисхроноз*. Диспропорции между динамикой разума, быстро приспособляющейся к увеличению скорости изменений, и динамикой коллективного бессознательного, которое, как известно, весьма инертно. Это может стать латентной причиной стрессов¹. Соответственно, возникает риск роста инцидентов, которые британский физик Ч. Перроу назвал «нормальными авариями», главная причина которых в собственно человеческом факторе².

В экзистенциальном плане непосредственно не воспринимаемые перцептивно взаимопереходы реального и виртуального времени по типу листа Мёбиуса могут выливаться при депрессиях в причудливое их смешение и парадоксальные перестановки. Великий датский философ Сёрен Кьеркегор детально и красочно описал такого рода ситуацию в книге «Несчастнейший»: «Одиноким, на самого себя покинутым, стоит он в безмерном мире, и у него нет настоящего, где бы он мог почтить, ни прошлого, по которому он мог бы потосковать, так как его прошлое ещё не настало, как нет и будущего, на которое он мог бы надеяться, ибо его будущее уже прошло. Ему нельзя состариться, так как он никогда не был молодым; он не может стать молодым, так как уже стар; в известном смысле ему нельзя и умереть, так как он ведь и не жил; в известном смысле ему нельзя и жить, так как он уже умер; он не может и любить, потому что любовь всегда — в настоящем, а у него нет ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего, и в то же время он — воспринимающая душа, и он ненавидит мир только потому, что любит его; у него нет никакой страсти не потому, что он чужд всякой страсти, но потому, что в одно и то же мгновение у него и противоположная страсть, у него нет времени ни на что, не потому, чтобы его время было занято чем-нибудь другим, а потому, что он совсем не знает времени; он бессилён, не потому, что лишён силы, а потому, что собственная сила обессиливает его»³.

Для оценки подобного рода ситуаций наиболее приемлем принцип единства времени и пространства действия. Его оригинальную и во многом про-

дуктивную интерпретацию предложил крупнейший отечественный специалист в области микробиологии академик Г. А. Заварзин. Сам термин *haecceitas* принадлежит философу XII века Дунсу Скотту и означает *ha* — здесь и сейчас, *esseitas* — существующее нечто. Мартин Хайдеггер перевёл его на немецкий язык словом *Dasein*, широко применяемым в философии экзистенциализма. Изучающий процессы эволюции микромира планеты, длившейся миллионы лет, Г. А. Заварзин в оригинальном эссе «Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас» пишет: «Хаэссеитас — это то, что мы наблюдаем здесь и сейчас как реально существующее действительное. Прошлое обладает действительностью в той мере, в которой приходит в настоящее как результат, хотя оно обладало действительностью в полной мере в исчезнувшем времени. Будущее относится к области возможного и оценивается по вероятности, как, например, неизбежная смерть живого существа; будущее не реализовано и находится в области пространства возможностей, не воздействующих на настоящее здесь и сейчас». Единственное, что в этом тексте вызывает возражения, это неправомерное дистанцирование по отношению процесса становления будущего от воздействия на него многофакторного и противоречивого настоящего⁴.

Африканский прецедент

Живущему в условиях природной цивилизации африканцу часы ни к чему. Лишняя тяжесть и помеха. Время для него, будто собственная тень, неизменно рядом, да в руки не дается. Его нельзя сохранить, засушить, потрогать, понюхать, попробовать на вкус, увидеть, услышать. Время — это то, что «сейчас». То, что было, и то, что будет, когда-то прошло и/или пройдет через непосредственно переживаемое «сейчас». Словом, время для него безбрежно, безмерно и безразмерно. Ему нет цены. Оно выше вещей, настроений, утрат. И только европейцы вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, безжалостно подстегивают его. Часто смотрят на часы, куда-то мчатся, считают деньги, ругаются, завидуют, ссорятся, хотят урвать у другого и вообще обогнать время, не понимая, что оно-то и есть — сама жизнь. А спешить вообще никуда и никогда не надо. Спешить — плохо! И тем, кто спешит, нервничает, ошибается из-за этого. И тем, к кому спешат: они ведь не только стойко переносят тяготы ожидания, но и чувствуют

¹ Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. Особенно: раздел 4.4. Играция общества и её амбивалентности. С. 130–149.

² Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

³ Цит.: Курпатов А. В. Депрессия: от реакции до болезни. СПб, 2001.

⁴ Заварзин Г. А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник РАН. 2007. № 4. С. 336.

переживания стремящихся не опоздать на встречу. В разных странах и ситуациях африканцы мне доверительно говорили примерно следующее: «Нам видеть эту сутолоку грустно, и за вас, европейцев, обидно: до чего же вы бестолковые и суетливые! Искусственно подстёгивая время, совсем не считаясь с ним, вы даже не думаете, что причиняете ему — невидимому и не ощущаемому времени — незаслуженные им — вечным, терпеливым и необъятным незаслуженные им боль и страдания».

У африканцев два природных хронометра: дети и солнце. Одна из моих малийских знакомых — торговка фруктами по имени Фанта, навес которой много лет находился рядом с нашим посольством, очень образно разъяснила то, что касается возраста детей как универсального мерил времени жизни: «Вы белые — странные люди. Возитесь со своими детьми, которых у них всего-то раз-два и обчелся, будто других забот нет. Надышаться не можете. Или ссоритесь с ними, прямо-таки враждуете, подчас даже не поймешь из-за чего. А наши дети растут, как трава. Сами по себе. По законам предков. Конечно, сначала требуют заботы и внимания. Потом путаются под ногами, норовят напраказничать. Знаем, сами были такими. Но постепенно включаются в общий ритм жизни деревни, отлаженный веками, или ... сбегает в город. А уж там, как судьба распорядится. В общем, время с детьми летит незаметно. Да, и как за ним, бестелесным, невидимым и неслышимым, уследишь, если не глядеть на взросление детей? К тому же некогда, да и незачем. Других проблем — по горло. И по-своему она, конечно, была права. «Ребенок, продолжила Фанта, маленькое земное солнце, пытающееся танцевать раньше, чем научится ходить. Он то освещает нечаянной лаской и трогательной улыбкой наш незатейливый быт, то уходит «за горизонт» собственных проблем, унося с собой время нашей молодости, открывая грустную возможность ощутить шаги ее удаления и неизбежного расставания с выросшими детьми».

Эти метафоры простых, зачастую не знающих грамоты африканцев часто всплывают в моей памяти. Как и эпизоды общения с представителями местной интеллектуальной элиты, в том числе, выпускниками Сорбонны. Однажды тема отношения человека ко времени стала предметом дружеской беседы с господином Абдуллаем Шарлем Даниоко, компетентным и обаятельным человеком, бывшим министром образования и науки, Чрезвычайным и Полномочным Послом, представляющим в Москве одну из самых солнечных стран мира — Республику Мали. Там в среднем 363 дня в году раскаленное

почти добела светило не терпит конкуренции облаков и туч. «Наши крестьяне, размышляя вслух мой собеседник, смотрят на Солнце, а не на часы. Даже многие чиновники и другие городские жители еще толком не усвоили астрономического и математического значения времени. И с этим приходится считаться. Я — выходец из сельской местности. У нас в деревне и в семье — естественное отношение ко времени, диктуемое ритмами природы». А потом вдруг темпераментно развернул ход чинного салонного разговора, заявив в духе афоризма Людовика XIV: «Время — это Я. Но ему не дано «иметь меня», распорядиться мною. Его нельзя игнорировать, с ним надо считаться, но не стоит попадать к нему в кабалу, становиться рабом неодушевленной часовой стрелки».

Народная мудрость глубока и изначально оригинальна! Приходя в этот мир, мы очеловечиваем и тем самым маркируем непосредственно не воспринимаемое нашими органами чувств время, окружающее и пронизывающее нас. Мы живем, действуем и танцуем во времени. Оно делает то же самое внутри нас. Солнце — та ипостась времени, которую мы видим и чувствуем кожей. Танец — другая его грань, воплощающая движение и ритм. Танец — это Солнце в наших душах. Оно греет даже тогда, когда уходит за горизонт, а источником тепла и света становится печальный ритуальный костер. Мудр Сенгор, изрекший: «Африканец танцует свою жизнь». Ее символом и сердцевиной, было, есть и остается Солнце. Таким предстает изнутри кажущийся европейскому снобу неправдоподобно примитивным африканский «мир без времени», где часы заменяет Солнце, а крысиные гонки ненасытного бизнеса — самозабвенный темпераментный Танец!

Возможно, похожим был механизм генезиса восприятия времени первобытным человеком. Во всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опиралось на зачатки рефлексии, а значит, было связано со специфической функцией, адресованной эволюцией вербальному (левому в норме) полушарию головного мозга. Из этого вытекает бывшая предметом дискуссий в отечественной науке «человечность» времени. Имеется в виду трактовка его субъективности именно в духе собственности, принадлежащей лично субъекту — стратегу собственной жизни, а не оценочно-субъективистскому истолкованию феномена времени, что в своё время резко затормозило развитие генетической теории личности¹.

¹ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 126, 134.

Иначе говоря, человеческое время формировалось вместе с человеком и в известном смысле в нём самом, в его мозге. Исходное понимание неоднородности времени предполагало его восприятие как совокупности биоритмов организма и окружающей среды (астрально-космических, климатических, гидрогеологических, биологических, химических, физических и т.п.). Постепенно по мере усвоения центральной нервной системой пространственных взаимоотношений субъективное время индивида обогащалось за счет выявления фактов его природной аритмии: смерть, болезнь, беременность, роды, а также климатические катаклизмы, затмения, землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т.п. С этим было связано постепенное отделение от настоящего вначале прошлого (в виде аккумуляции опыта), а затем и от будущего. И если психическое освоение пространства ископаемыми предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то более ёмкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на догоняющее развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов.

Кенийский профессор Дж. Мбити предпринял попытку построения африканской модели времени и места представлений о нем в структуре архаического менталитета¹. Время для африканца — простая совокупность событий (а не мерных единиц), которые были, происходят сейчас или вот-вот произойдут. То, что, по всей видимости, состоит в силу ритмов внешней или внутренней природы (например, сезон дождей, роды беременной женщины) примыкает к реальному времени как его потенциальная, в принципе неизбежная разновидность. Само же время в традиционных представлениях племени кикуйя включает две его разновидности, функционирующие параллельно. Правополушарное время, ощущаемое, насыщенное красками, образами, эмоциями, живыми впечатлениями, сопереживаниями, охватывает то, что прожито, прочувствовано, хранится в памяти, либо непосредственно грядущие события, например, инициация, празднество, важный ритуал. Это конкретное микровремя носит название саса. Так же называется охотничья сумка с атрибутами охоты либо самыми ценными кусками добычи. Напротив, *левополушарное время*, вербально-логическое, по сути, охватывает то,

что воспринимается как давно прошедшее, время предков и их духов, сказаний и мифов, включая представления о появлении людей и социума. Это макровремя называется у кенийцев *замани*. Саса индивида меньше, чем саса всей совокупности ныне живущих. Чем старше человек, чем больше событий он непосредственно пережил и помнит, тем больше его саса, тем ближе он к заветному *замани*. Но даже физическая смерть не переводит его автоматически в сферу замани. Лишь полностью порвав с чувственным образом, хранящимся в сознании потомков, память о нём сакрализуется; он из предка превращается в духа, чья законная обитель — вождевленное потустороннее замани. *Посюстороннее саса* как бы ввинчивается в *потустороннее замани*, достигая его и растворяясь в нем, будто река, впадающая в море. Но само время *саса* тоже весьма своеобразно и многослойно, напоминая своего рода хронологический сэндвич. К тому же *саса* обладает, в отличие от монолитного замани, известной эйнштейновской гибкостью. Оно легко претерпевает трансформацию сжатия и расширения. И изгибается, как лист Мёбиуса, не прерываясь, а переходя из одной реальной временной субстанции в другую, например, в ритмике смены поколений и периодического обновления «населения» традиционного социума. *Замани* выступает не как кладбище ушедшего времени, а как сокровищница опыта и мудрости народа по аналогии с историческими хрониками, эпосом и больше всего с мифом.

Развитие «чувства» времени

Каким был механизм генезиса восприятия времени первобытным человеком? Во всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опиралось на зачатки рефлексии, а значит, было связано со специфической функцией, адресованной эволюцией и последующей палеолитической историей вербальному полушарию головного мозга. И если психическое освоение пространства ископаемыми предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то все более ёмкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на догоняющее развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов.

Гипотеза о предшествовании скачка в зрительном отражении пространства (в дуально-бинарном диапазоне) началу коренного перелома в слуховом восприятии времени косвенно подтверждается

¹ Mbiti I. S. African Religions and Philosophy. N.— Y.— Wach., 1970; его же: Concepts of God in Africa. London, 1970.

данными эмбриологии, нейрофизиологии и этнографии: 1) пузырьки глаз появляются у человеческого эмбриона существенно раньше слуховых пузырьков; 2) слуховые анализаторы (в отличие от звукопроизводящих) расположены в эволюционно более молодом левом полушарии мозга; 3) наиболее отставшие в историческом развитии племени и этнородовые группы в гораздо большей степени владеют пространственными, нежели временными представлениями.

В качестве косвенного аргумента в пользу приведенного тезиса можно добавить, что **пространственные искусства**, начиная с древней наскальной живописи, графики, орнамента, макиажа охрой и татуировки, скульптурных изображений палеолитических мадонн и гипертрофированных фаллосов, проникших в средневековую архитектуру, по данным археологии, намного предшествовали возникновению поэзии и музыки. **Временные искусства**, напротив, буквально с момента своего зарождения теснейшим образом связаны с последовательным, размерно-квантированным производством и восприятием людьми гаммы звуков, целенаправленно затрагивающих эмоциональные струны нашей жизни¹.

Не исключено, что, у истоков поэзии лежал первобытный речитатив с многочисленными повторами и монотонной мелодикой, в чем можно убедиться и сегодня, слушая западно-африканских бродячих поэтов-сказителей гриотов, а музыка как самовыражение и создание эмоциональной экспрессии, вероятно, начиналась со звуковой ритмики, носившей поначалу информационный характер. На эту мысль наводит многообразие и многозначность звучаний тамтамов в самых различных уголках Африки. Кстати, тамтамы, помимо функций музыкального ударно-ритмического инструмента, выполняют роль и своеобразного телеграфа саванн и джунглей. Для этих целей в Центральной и Западной Африке используются двояковыпуклые барабаны, сделанные из выдолбленных внутри стволов деревьев. Выстукивая специальными колотушками только им ведомую «азбуку Морзе», умельцы не просто передают информацию на десятки километров, а там — по эстафете — дальше, но обычно ведут беседу, пересыпая разговор шутками, советами

и насмешками. В ритмах тамтамов, основанных на тренировке считывания звуковых и молчащих отрезков, инициирующих развитие слуховых рецепторов, а тем самым соответствующих структур левого полушария головного мозга, видимо, зрели предпосылки развития временных представлений.

Конечно, осознание поначалу как бы стянутой в одну точку временной структуры бытия вызревало в рамках пространственных представлений (как локально-конкретных, так и абстрактно-космогонических) и лишь постепенно отслаивалось, отличалось, дистанцировалось от них. Но прежде, чем стать, а главное — быть осознанным в качестве такового, первичное время (гораздо более психологическое, нежели логическое по характеру восприятия, и типу отражения в биоэлектрических кодах мозговой ткани больших полушарий) длительный период прозябало на задворках пространственных представлений.

Видимо, левое полушарие пока не могло адекватно переплавлять в абстрактно-вербальные формы животрепещущие и все еще такие близкие образы ушедших в другую (параллельную) жизнь родных и соплеменников. Высказана гипотеза, что *дифференциация полушарий, по крайней мере, в первое время удлинит паузу между полученным извне импульсом и ответом на него с примерно двух до почти трех секунд*. Зато вклинённость в процесс принятия решения молодого полушария содержало в себе мощный гносеологический и деятельностный потенциал.

Время в сознании африканцев конкретизировано, связано с явлениями природы, сезонами, движением луны и солнца, с практической жизнью людей. Так, возраст человека может исчисляться по числу дождливых сезонов, событие связывается с лунными месяцами. У ряда скотоводческих народов время суток разбито на часы, связанные с конкретными действиями скотовода. Так, в Бурунди амакама — время для дойки скота (7 часов утра), матурука — время, когда выгоняют скот (8 часов утра)². В мифологическом сознании нет понятия необратимости времени, оно движется в обоих направлениях. Прошлое не потеряно для настоящего и находится с ним в неразрывном единстве. Настоящее может даже активно влиять на прошлое, на существование ушедших в небытие поколений путем жертвоприношений.

Разброс систем обыденного архаического времязчисления весьма велик. От веревочки с узелка-

¹ Леонардо де Винчи. Книга о живописи. Пример и отличие живописи от поэзии. М., 1934. С. 60; Лессинг Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М., 1957. С. 188 и др.; Шеллинг Ф. Б. Философия искусства. М., 1966. С. 222–223, 195 и др.

² Мосейко А. Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985. С. 63–64.

ми, используемой в племени *лари* (Конго) для того, чтобы вовремя объявить о каком-либо событии или празднике, и наличия в традиционном календаре целого ряда этнических групп, включая тех же лари, двух видов недель: малой — четырехдневной (мпика, нкойи, букондзо, тсаба — дни ярмарок) и большой — восьмидневной (с добавлением: мандзакала, бумунгу, кади-кади, тсаба-диаманко), до подсчета сухих сезонов, от которых шаг к к понятию календарного года. Камерунский писатель Монго Бети (*Mongo Beti*) в романе «Исцеленный король» (*Le Roi miracle*) приводит диалог с использованием и даже первичной интерпретацией традиционных временных циклов. Обсуждается вопрос о возрасте вождя. «Трудно сказать. Когда спрашиваешь их о возрасте, старики рады прибавить себе несколько лет, а молодежь — убавить. Он говорит, что на его глазах сменилось сто двадцать сезонов. Нужно еще накинуть сезоны, которых он не помнит, потому что был слишком мал. Вот и получается, грубо говоря, сезонов сто тридцать». «Да, но что он называет сезоном?» «А сезоном они называют время между посевом и сбором урожая. Так что в году у них два таких сезона, потому что они два раза в год сеют и два раза собирают урожай...»¹.

Словом, для большинства африканцев восприятие времени, как правило, бедно впечатлениями и ассоциациями, сплющено до элементарного различия того, что было, «давно» и того, что есть, «сейчас». Всякие новации заведомо нежелательны, ибо рожают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей, а потому в Танзании, например, кандидаты, обещавшие своим избирателям улучшение жизни, неизменно проваливались на выборах, а депутатами становились защитники традиций предков². Соответственно, связанные с учетом временного фактора отложенный спрос и отсроченное потребление, дача в долг и жизнь займы (например, кредитование), столь типичное для Запада, мало известны Африке, по крайней мере, за пределами городов. Время африканцем и сегодня воспринимается под углом зрения достаточно комфортной «вписанности» в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности³.

¹ Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. Этнолингвистический очерк. М., 1983. С. 51.

² Бочаров В. В. Индивид и власть в Тропической Африке // Околдованная реальность (Мир африканской ментальности). М.: Институт Африки РАН, 1994. С. 125.

³ Андреев И. Л. Циферблат без стрелок // Вестник РАН. 2003. № 2. С. 139–147.

Представителю промышленной цивилизации этот провинциальный африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным. В традиционном сознании преобладает пока что чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, активного, но невидимого Существа, как некой перцептивно не воспринимаемой Субстанции, специфического фрагмента вездесущей Природы. Времени, когда оно становится объектом внимания, придается в большей степени эмоциональная, поэтическая, нежели рациональная, причинно-следственная окраска⁴.

«Песня в сумраке» великого африканского поэта и философа Леопольда Сенгора начинается характерным образом: «Птица Времени, белый морской орел несет меня на континент» из чужого французского «сегодня» в родное африканское «всегда». В другом стихотворении «Ночь на берегах Сины» поэт передает ощущение связи времени со звуком: «Пусть нас баюкает ритм тишины». И с погружением в глубины памяти: «Голоса прародителей слушай. Пусть будет дано мне вдохнуть запах Предков моих, собрать голоса их живые и вложить их в горло свое»⁵.

Вообще говоря, переход к психологической дифференциации и чувству времени объективно обусловливается необходимостью, связанной с усложнением хозяйственных процессов и коммуникативных связей, и эволюцией головного мозга и, прежде всего, его левого полушария, ибо события прошлого и тем более будущего органолептическим образом, перцептивно, чувственно не воспринимаются. В этом смысле они — за пределами сновидений, фантазии, представлений — доступны лишь вербальной, то есть абстрактной и абстрагирующей фиксации такого рода трансформации сознания в диалектическом единстве его внешних стимулов и внутренних предпосылок. Во всяком случае, у собирателей и охотников, ведущих примитивное присваивающее хозяйство, жесткая вписанность жизнедеятельности в природные циклы, в очень незначительной степени может стимулировать потребность в развитии временных представлений и специальных приемов (средств) ориентации во времени.

Расплывчатость временных фрагментов суточного цикла связана со значительной вариативностью хозяйственной деятельности. Скажем,

⁴ Андреев И. Л. Танец с Солнцем // Дружба народов. 1999. № 8. С. 134–151.

⁵ Сенгор Леопольд Седар. Песнь ночи и солнца. Избранные стихи. М., 1965. С. 21, 9–10.

начало работ и их окончания определяются как непредвиденными обстоятельствами, так и личными побуждениями, состоянием здоровья, настроением и т.п. Отсутствие временных императивов делает ненужным специальную фиксацию хронометрического деления дня. В архаическом общественном и тем более индивидуальном сознании время еще не отделилось до конца от событий, от всего того, что составляет ежедневные будничные заботы и хлопоты.

Среди земледельцев и скотоводов очень многих заботит точное знание времени. Однако, по мере роста грамотности, влияния городской культуры, приобретения новых современных профессий, занятий бизнесом и т.п. сознание африканца претерпевает изменение, и ему становится доступным европейское понятие «время», или... «синдром современности». Известно, что у лиц, приобщенных к городской цивилизации, резко меняется, по сравнению с их сельскими собратьями, отношение к труду и свободному времени. Они в большей степени стремятся реализовать свои потребительские запросы, чем увеличить трудовые затраты.

Короче говоря, вначале временные представления отслаивались от пространственных, нередко дополняя их, лишь в экстремальных ситуациях.

Кстати, устная речь, характерная для всех архаических обществ, связана с жестикულიцией, мимикой, вокализацией, интонацией, движением 114 мышц, ее регулирующих, в значительно большей степени, чем речь письменная. Данное обстоятельство со своей стороны подкрепляет повышенную роль правого полушария в жизни традиционных структур. С этим связано явное преобладание роли и значения пространственных представлений и ориентаций над временными. Сломать эту инерцию в рамках традиционного общества могут только счет и письмо, прочно вклинившиеся в архаический образ жизни.

Время как бы подтачивало, а затем — взламывало некогда прочную устойчивость пространственно-циклических социумов хотя бы потому, что в их повторяемость по теории вероятности всегда встревала хотя бы песчинка нового, неведомого, непредвиденного. Постепенно накапливаясь, эти новации обуславливали сбой, а затем — кризис тех или иных аспектов функционирования в принципе консервативных систем, что отражалось неконтролируемым образом на изменениях элементов и/или связей исходных цивилизационных структур.

Биологические истоки властвования

Для большинства африканцев «одномерное» (по стрелкам часов) восприятие времени, как правило, механистично, бесчувственно, бедно впечатлениями и ассоциациями, сплющено до элементарного различения того, что было, «давно» — и того, что есть, «сейчас». Всякие новации заведомо нежелательны, ибо рожают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей, а потому кандидаты, обещающие избирателям улучшение жизни, проваливаются на выборах, а депутатами становятся защитники традиций предков. Связанные с учётом временного фактора отложенный спрос и отсроченное потребление, дача в долг и жизнь займы (кредитование), мало известны Африке за пределами городов. Время африканцем воспринимается под углом зрения естественной «вписанности» в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности¹.

Время еще в процессе антропосоциогенеза раздваивалось на погруженное в пространственные алгоритмы жизнедеятельности и на фрагменты, выплывавшее из них. К нему применим гегелевский образ сфинкса: из тела животного вырастает голова человека. Совсем не напрасно Гегель считал антиномию пространства и времени своего рода осью разворачивания духа, творившего всемирную историю. Последняя «есть вообще проявление духа во времени, подобно тому, как идея, как природа, проявляется в пространстве», писал он в «Философии истории», видя именно в феномене времени орудие всемирного духа, вечный двигатель исторического процесса, в недрах которого «пространственной прочности противостоит форма времени». Последняя, пробиваясь сквозь наслоения повторений, позволяет истории выйти за пределы «всё еще... бессознательной связи, существующей благодаря кровному родству, за пределы естественных сторон первоначальной основы»². Время подтачивало, а затем — взламывало некогда прочную устойчивость социумов: в их повторяемость по теории вероятности всегда встревала песчинка нового, неведомого, непредвиденного. Постепенно накапливаясь, новации обуславливали сбой, а затем — кризис функционирования консервативных систем, что

¹ Андреев И. Л. Циферблат без стрелок // Вестник РАН. 2003. № 2. С. 139–147.

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Соч., т. VIII. М.— Л., 1935. С. 69, 100, 41.

вызывало изменения элементов и/или связей исходных структур¹.

Анализ взаимодействия **чувственного саса** и **ментального замани**, возможно, прольет свет на чисто человеческие аспекты лидерства и подчинения, которые при сугубо абстрактно-логическом анализе теряется в дебрях силлогизмов, какими бы занимательными и строгими они не были сами по себе. **Властвование** — процесс неизменно обоюдный, включающий в себя хотя бы самую элементарную рефлексию, заключающуюся в том, что обладатель власти и подвластный понимают основание противоположности своих социальных ролей. Поэтому исследовать генезис власти в контексте комплексной проблемы человека без учета философской антропологии и теории цивилизаций, законов психологии и специфики эволюции человеческого мозга в известном смысле некорректно.

Первичная власть формировалась как распоряжение конкретным временем саса других индивидов и возрастных групп (даже если речь шла о традиционных видах работ) от имени священного замани его хранителями старейшинами, ближе всех стоящих к сонму мудрых предков и лучше всего могущих выразить их волю. Такой подход в принципе позволяет включить в исследование механизма генезиса координации и управления поведением различных групп, составлявших традиционный социум, факторы не столько экономические (едва ли определяющие в эпоху борьбы за элементарное биологическое выживание), сколько психологические.

Субъект властвования еще не был жестко персонализирован, но уже наметился круг, из которого он вскоре должен будет выйти, чтобы сесть на пень посреди поляны, игравший роль допотопного трона. Харизма, выраставшая на плечах культа предков, «населявших» замани, ещё уравнивалась обычаем *палабра* (первобытного парламентаризма), в рамках которого все взрослые обладатели времени *саса* (обычно под священным баобабом) обсуждали животрепещущие вопросы своей жизни вплоть до достижения полного согласия, демонстрировавшего единство живущих перед лицом предков и потомков. *Постепенно внешняя последовательность событий и процессов становилась внутренним психологическим временем индивида*. Его регуляция могла исходить не только извне, но и изнутри в виде потребностей, желаний, воли субъекта, переживающего эмоционально события,

действия, их результаты: ожидаемые, побочные, непредвиденные.

Исключительная жесткость исходных канонов традиционного поведения, отступление от которых грозило вымиранием изначально сращенному, подобно муравейнику, племенному социуму, имело поначалу чисто биологический смысл: дать шанс сохранению и воспроизводству первичного рода как ячейки нового биологического вида. Видимо, здесь и скрыты истоки непререкаемой предписанности продиктованных индивидам алгоритмов поведения и психологических клише восприятия, создателем и беспристрастным судьей пунктуальности их воплощения в жизнь выступала сама Природа. Ведь именно в ее чреве было зачато такое аномальное «неживотное животное» как человек. Фатальность и неотвратимость отступления от ее канонов закреплялись групповым отбором в пробуждавшемся сознании наших пращуров в виде системы безоговорочных, аксиоматических запретов-табу и ритуального освящения указаний тех, кто по возрасту и связанному с ним социальному статусу находился ближе остальных к истокам жизни, к её первооснователям-предкам, к заветному времени замани. Незримая власть замани, истоки которой сознание отдельного индивида не в силах уловить, представляется индивиду вечной, несокрушимой, фатальной. Отсюда — прочное убеждение, что каждое саса незримо зиждется на скрытом в глубинах видимого мира энергетически неисчерпаемом и неуничтожимом замани. Захваченные старейшинами позиции вблизи замани обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки его потребностей.

Изначальной целью было отнюдь не желание властвовать, а суровая жизненная необходимость эффективного регулирования поведения членов первичного рода и складывавшейся вкуче с ним общины путем авторитетного и изобретательного манипулирования психологическими средствами их индивидуальным временем саса от имени предков в интересах всего коллектива. Беспрекословность подчинения вековым обычаям и их хранителям-интерпретаторам и стала зародышем первичной власти как средства управления поведением сородичей, соплеменников и своим собственным. Сама *власть поначалу выступала как распоряжение временем саса* не только младших возрастных групп, но и представителей зависимого пола, пришельцев, прибывших к группе со стороны осколков других родов и общин, а также захваченных в качестве военных трофеев женщин, детей, взрослых. В роли первичного властного субъекта фигурировала сакрализованная верхушка старейшин, выступавшая в качестве своего рода наследников первой руки

¹ Андреев И. Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник РАН. 2002. № 8. С. 710–729.

системно-мифологизированного и «населенного» тотемными существами мира, включая космические объекты, вечного времени замани. Да и сами предки и их духи находились, как правило, невдалеке. Ведь те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они — повсюду. В трепещущей листвой акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада. В подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в рыночной толпе, ибо умершие вовсе не умерли навсегда. Незримые и неслышимые, они все видят и слышат, могут помочь в добром деле и покарать отступника.

Инверсия биологического в социальное

По мере того, как **внешняя, независимая от индивида последовательность событий и процессов** хотя бы смутно осознавалась, **становилась внутренним психологическим временем индивида**, регуляция которого в принципе могла исходить не только извне по отношению к нему, но и изнутри его в виде потребностей, желаний, воли самого субъекта, переживающего эмоционально и оценивающего в понятиях события, действия, их результаты: ожидаемые, побочные, непредвиденные. Именно она становится предпосылкой выявления им казуальных, причинно-следственных отношений объективного мира¹.

Конечно, эта субъективная воля не существовала и не витала над реальностью сама по себе. Она была жестко ориентирована на свое место, роль и функции в первичном социуме и его конкретных модулях, на деятельность, протекавшую не только в пространстве, но и во времени, а стало быть, планомерную, прогнозируемую, регулируемую. А поскольку такая деятельность осуществлялась совместно индивидами, обладающими сознанием и волей, её регуляция и координация разнонаправленных усилий предполагала различные уровни властного распоряжения их временем как в сфере жизнеобеспечения, так и в осуществлении общественных дел церемониально-коммуникативного плана. Так вместе, параллельно и взаимосвязано с освоением временных представлений, зарождалось осмысление потестарных отношений (термин, предложенный российским этнографом Л. Е. Куббелем) власти и подчинения ей².

¹ Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Том 4. № 1. С. 24.

² Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Хранители традиций и памяти мудрых предков постепенно и незаметно, как бы исподволь, становились владельцами **замани**. До сих пор традиционные вожди в тени его сакральности черпают свой освященный вековыми обычаями авторитет. Незримая власть **замани**, истоки которой сознание индивида не в силах уловить, представляется ему вечной, несокрушимой, фатальной. Ведь каждое индивидуальное *саса* незримо на энергетически неисчерпаемом и неуничтожимом **замани**. Именно захваченные старейшинами позиции вблизи замани обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки его потребностей.

Изначальной целью этого феномена было отнюдь не корыстное желание повластвовать, а необходимость эффективного регулирования поведения членов первичного рода и складывавшейся вконец с ним общины путем авторитетного и изобретательного манипулирования психологическими средствами их индивидуальным временем саса от имени предков в интересах всего коллектива. Беспрекословность подчинения вековым обычаям и их хранителям-интерпретаторам и стала зародышем первичной власти как средства управления поведением сородичей, соплеменников и своим собственным.

Сама власть поначалу выступала, по всей видимости, как **распоряжение временем саса** не только более младших возрастных групп, но и представителей зависимого пола, пришельцев, прибывших к группе со стороны осколков других родов и общин, а также захваченных в качестве военных трофеев женщин, детей, взрослых. В роли первичного властного субъекта фигурировала сакрализованная верхушка старейшин, выступавшая в качестве своего рода наследников первой руки системно-мифологизированного и «населенного» тотемными существами мира, включая космические объекты, **«вечного» времени замани**. Да и сами предки и их духи находились, как правило, невдалеке. Ведь те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они — повсюду. В трепещущей листвой акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада, в подземелье и фамильном склепе, в малолюдной саванне и в рыночной толпе, ибо умершие вовсе не умерли совсем и навсегда. Незримые и неслышимые, они все видят и слышат, могут помочь в добром деле и покарать отступника.

Словом, в мифологизированном традиционном обществе истоки властного авторитета коренились в окутанном замысловатыми ритуалами культе предков. Первые носители власти выступали как

имитаторы их продуктивных действий, как интерпретаторы происходящего от их имени, как скрупулезные исполнители их воли. Первыми подчиненными были младшие возрастные группы, зависящие от старших и учившиеся у них. Реликтовые формы исходно-властного распоряжения временем других индивидов до сих пор сохранилось в Тропической Африке. Добавлю, речь идет о потестарной власти, не имеющей иных средств принуждения, кроме морального авторитета и устрашения, психологического давления, а кроме того, выступающей в патронажной роли блюстителя общих интересов.

Всякая традиционная власть (даже потестарная) в своем самоопределении неизменно опиралась и опирается на возможно дальше уходящее вглубь времен сакрализованное «безвременье» и провозглашает себя преемственно-вечной в смысле опять же «безвременья», но уже уходящего в невидимое далёкое будущее.

В сфере реальной традиционной жизни генезис временных и властных представлений коррелируется с воспроизводством человека и тем самым социума (популяции) в значительно большей степени, нежели с изготовлением орудий и средств производства, а тем более предметов потребления.

В действительности, производство самого человека как биологического существа, обладающего способностью к рефлексии и самосознанию, гораздо больше, чем, скажем, собирательство и охота, отличалось от аналогичных (сходно-функциональных) форм поведения ископаемых предков. Видимо, это обстоятельство сыграло роль ключевой предпосылки и пусковой причины назревания перелома в восприятии времени, в связи с возраставшей ролью речи, вербальной информации, обобщением ситуаций, приводящих к появлению все более абстрактных понятий (например, числа и счета).

Естественно, на первых порах роль и авторитет женщин были более значительными. И в биологической (менструации, фертильность, зачатие, беременность, роды, вскармливание, кормление, охрана), и в социальной (освоение ребенком мышления и речи, навыков гигиены, личной безопасности, обычаев) сферах. Поэтому, в отличие от мужчин, вероятно, первыми эффективно использовавшими зрительно-пространственные представления, женщины естественно-групповым отбором в большей степени поощрялись к психологическому освоению звуко-временных координат социума и ближайшей, внутри него находящейся и непосредственно к нему примыкающей окружающей среды. «В ходе эволюции мужчины выполняли роль охотников и руково-

дителей переселений, и те из них, которые обладали хорошими зрительно-пространственными способностями, имели преимущество в ходе естественного отбора. В то же время женщины могли испытывать давление отбора в отношении навыков, связанных с воспитанием детей, таких, как использование речи в качестве средства общения, а также развития социальной чувствительности и легкости невербального общения», полагают С. Спрингер и Г. Дейч¹.

Однако руководство охотой и переселениями требовало не только пространственных, но и временных навыков (представлений). Вождь (старейшина) должен иметь в своем сознании «планшет поведения»² с отражением на его экране не только исходной диспозиции индивидов и объектов их деятельности, но и своей саморефлексии, а также прогноза (желательно, в различных ситуативных вариантах) временной динамики задуманного (пусть даже традиционного) процесса, развертки его во времени. С другой стороны, и женские резоны к интенсификации функций, в общем случае, характерных для левого полушария, не исчерпываются приведенными в цитате. К ним следует добавить, кроме упомянутых мною выше, функционирование чисто женских модулей первичного социума — возрастных классов, женских союзов и даже тайных ритуальных обществ со специфическими, неведомыми мужчинам, событиями, обрядами, церемониями, знаками, символами, языками, включая музыкальные, что неизбежно обогащало временную палитру сознания.

Иными словами, среди естественно-биологических предпосылок цивилизационного процесса просматриваются специфические женские и мужские потоки, русла течения времени, в рамках которых постепенно, но неизбежно кристаллизуются все более адекватные представления о нем и умения им пользоваться. Поскольку в связи с возрастанием потребности в координации и регулировании объективно усложнявшейся жизни первичного социума, как самоорганизующейся, саморегулирующей и само развивающейся во времени системы, прослеживается генезис власти, а потестарный потенциал, первоначально опиравшийся на культ предков и мифологических героев, реализуется по каналам женских и мужских подсистем. Можно констатировать корреляцию генезиса властных

¹ Спрингер С., Дейч Г. Правый мозг, левый мозг. М., 1980. С. 145.

² Лефевр В. А. Формула человека. Контуры фундаментальной психологии. М.: Когито-Центр, 2012. 108 с.

представлений и первичных потестарных структур с развитием временной ориентации и эволюцией левого полушария головного мозга.

Однако, при всей своей ограниченности и примитивности, архаическое время, тянущееся из эпохи мезолитической цивилизации, индивидуальнее, гуманнее, ближе к человеку. Оно добрее к нему, снисходительнее к его личным качествам, желаниям, слабостям, к трудности сосредоточения внимания на абстрактном феномене, каким является обезличенное время, порожденное индустриальной цивилизацией, господствующее в городах, учреждениях, на общественном транспорте. Привычка к дисциплине времени, чувственно не воспринимаемому вне результатов его протекания, требует длительной тренированности, закрепляемой системой воспитания. Лучший пример — германский либо американский характер¹.

Вместе с тем, именно теперь есть смысл в индивидуализированном, спокойно-рассудительном, неторопливом философском восприятии времени, заимствованном у традиционных цивилизаций. Это мощный психологический противовес беспросветной суете «крысиных гонок» на выживание с оттеснением конкурентов, отставших, ошибившихся, нерасторопных, обманутых и т.п. Причем, в сфере не только бизнеса, финансов, коммерции, но куль-

туры, науки, техники, досуга и просто наслаждений. За рамками статьи остается вопрос: можно ли гармонично синтезировать гуманистическую вневременность традиционной и деловую супервременность индустриальной эпохи в некую новую гармоничную форму восприятия и использования времени? Адекватную психофизиологической и нравственно-культурной сущности человека и социума. Кстати, всполохи цивилизации будущего затрагивают, прежде всего, пространственные аспекты и лишь сквозь них просматриваются новые формы оценки и использования времени.

Сделав всю планету своей экологической нишей, человек вошел в земное пространство и время в качестве сознающего себя и свое окружение существа. Пространственно-временные представления стали для предковых форм (и остаются для нас) средством ориентации в окружающем мире, с целью биологического выживания и социального развития. Обращение к исследованию процесса антропосоциогенеза позволяет четче выявить процесс вхождения биологического вида *Homo Sapiens* в пространственно-временную структуру мира, запечатлевая логику данного процесса в архитектонике головного мозга, генетическом аппарате, эмбриональном повторении предыстории вида.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Том 4. № 1.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
3. Андреев И. Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник РАН. 2002. № 8. С. 710–729.
4. Андреев И. Л. Танец с Солнцем // Дружба народов. 1999. № 8. С. 134–151.
5. Андреев И. Л. Феномен Генри Форда (вместо послесловия) // Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 194–205.
6. Андреев И. Л. Циферблат без стрелок // Вестник Российской академии наук. 2003. № 2. С. 139–147.
7. Бочаров В. В. Индивид и власть в Тропической Африке // Околдованная реальность (Мир африканской ментальности). М.: Институт Африки РАН, 1994.
8. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч., т. VIII. М.— Л., 1935.
10. Заварзин Г. А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник РАН. 2007. № 4.
11. Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2010.
12. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

¹ Андреев И. Л. Феномен Генри Форда (вместо послесловия) // Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 194–205.

13. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
14. Курпатов А. В. Депрессия: от реакции до болезни. СПб, 2001.
15. Леонардо де Винчи. Книга о живописи. Пример и отличие живописи от поэзии. М., 1934.
16. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М., 1957.
17. Лефевр В. А. Формула человека. Контуры фундаментальной психологии. М.: Когито-Центр, 2012. 108 с.
18. Мосейко А. Н. Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность. М., 1985.
19. Оканза Ж. Африканская действительность в африканской литературе. Этнолингвистический очерк. М., 1983.
20. Сенгор Леопольд Седар. Песнь ночи и солнца. Избранные стихи. М., 1965.
21. Спрингер С., Дейч Г. Правый мозг, левый мозг. М., 1980.
22. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Том 3. М., 1968.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
24. Шеллинг Ф. Б. Философия искусства. М., 1966.
25. Mbiti I. S. African Religions and Philosophy. N.— Y.— Wach., 1970.
26. Mbiti I. S. Concepts of God in Africa. London, 1970.
27. Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

References (transliteration):

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. O putyakh postroeniya tipologii lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal. 1983. Tom 4. № 1.
2. Abul'khanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni. M., 1991.
3. Andreev I. L. Obshchenie dush ili agregat individov? // Vestnik RAN. 2002. № 8. С. 710–729.
4. Andreev I. L. Tanets s Solntsem // Druzhba narodov. 1999. № 8. S. 134–151.
5. Andreev I. L. Fenomen Genri Forda (vmesto poslesloviya) // Ford Genri. Moya zhizn», moi dostizheniya. M.: Finansy i statistika 1989. S. 194–205.
6. Andreev I. L. Tsiferblat bez strelok // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2003. № 2. S. 139–147.
7. Bocharov V. V. Individ i vlast» v Tropicheskoi Afrike // Okoldovannaya real'nost» (Mir afrikanskoj mental'nosti). M.: Institut Afriki RAN, 1994.
8. Gaidenko P. P. Vremya. Dlitel'nost». Vechnost». Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke. M.: Progress-Traditsiya, 2006.
9. Gegel» G.V.F. Filosofiya istorii. Soch., t. VIII. M.— L., 1935.
10. Zavarzin G. A. Bytie i razvitie: evolyutsiya, suksessiya, khaesseitas // Vestnik RAN. 2007. № 4.
11. Kravchenko S. A. Dinamika sotsiologicheskogo voobrazheniya: vsemirnaya kul'tura innovatsionnogo myshleniya. M.: Ankil, 2010.
12. Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti. M.: MGIMO-Universitet, 2012.
13. Kubbel» L. E. Oчерки potestarno-politicheskoi etnografii. M., 1988.
14. Kurpatov A. V. Depressiya: ot reaktsii do bolezni. SPb, 2001.
15. Lefevr V. A. Formula cheloveka. Kontury fundamental'noi psikhologii. M.: Kogito-Tsentr, 2012. 108 s.
16. Leonardo de Vinci. Kniga o zhivopisi. Primer i otlichie zhivopisi ot poezii. M., 1934.
17. Lessing G. E. Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii. M., 1957.
18. Moseiko A. N. Ideologiya v stranakh Tropicheskoi Afriki. Traditsii i sovremennost». M., 1985.
19. Okanza Zh. Afrikanskaya deistvitel'nost» v afrikanskoj literature. Etnolingvisticheskii oчерk. M., 1983.
20. Sengor Leopold Sedar. Pesn» nochi i solntsa. Izbrannye stikhi. M., 1965.
21. Springer S., Deich G. Pravyi mozg, levyy mozg. M., 1980.
22. Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. Tom 3. M., 1968.
23. Khaidegger M. Vremya i bytie. M., Respublika, 1993.
24. Shelling F. B. Filosofiya iskusstva. M., 1966.
25. Mbiti I. S. African Religions and Philosophy. N.— Y.— Wach., 1970.
26. Mbiti I. S. Concepts of God in Africa. London, 1970.
27. Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.